

Наумова Елена Васильевна

**ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРИРОДНОГО ОБЪЕКТА "ЛЕС" В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ)**

В статье рассматриваются особенности концептуализации природного объекта "лес" и способы языковой репрезентации знаний о нем в русском языке на материале лексикографических источников. Проведенное исследование показало, что процесс концептуализации "леса" антропоцентричен, а в семантике лексических и фразеологических средств его репрезентации сохраняются элементы культурной информации древнеславянского периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 143-147. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

представлен образ ленной души, то есть души успокоенной, сонной, без бури страстей. По мнению писателя, это неестественно для человека. Будоражить душу призвано «дельное слово» литературного произведения. Поэтому талантливый писатель рождает в душах ответную реакцию – смех, радость и др. Личное человеческое счастье не должно быть публично: его не поймут. А вот творчество, наоборот, должно быть общественным. В нем нужно бояться одиночества, пустоты в общении. В-третьих, А. П. Чехов наполняет эмотив *счастье* своим окказиональным значением: счастье понимается как деятельное, выстраданное, рожденное от духовной близости людей. Такому счастью он противопоставляет медовое, ленное, вызывающее у него, как и у любого образованного человека, смех. В-четвертых, чувство зависти, окружавшее А. П. Чехова в семье, ведет к повторяющемуся повелительному *не завидуй*. И наконец, любовь к женщине для А. П. Чехова – это отношение, построенное на порядочности и воспитанности. Писатель не признает деспотичную любовь, которая с детства вызывала у него чувства ужаса и отвращения. Как видим, из эмотивной составляющей писем Антона Павловича Чехова рождается его психологический портрет, эмотивная составляющая его языковой личности.

Список источников

1. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. М.: Наука, 1989. 244 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979. 387 с.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: ВШ, 1971. 240 с.
4. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.
5. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство АН СССР, 1965. 256 с.
6. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: ВШ, 1991. 448 с.
7. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1985. Т. 12. 448 с.

**EMOTIVE COMPONENT OF LANGUAGE PERSONALITY
(BY THE MATERIAL OF EPISTOLARY GENRE)**

Minibaeva Svetlana Vinerovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
sveta.minibaeva@yandex.ru

The article is devoted to the topical problem of the analysis of the textual representation of language personality. In this connection, the paper studies the possibility of speaker's modeling and the emotive component of the language personality is highlighted. The choice of the epistolary genre is stipulated by the fact that in the texts of letters the triad "author – image of the author – reader" loses one component – the image of the author – and readers face the real personality of the writer, whose modeling is the essence of our approach to the text.

Key words and phrases: epistolary genre; image of author; language personality; worldview; emotional worldview; emotive component; emotional state of subject.

УДК 811.161.1'37

В статье рассматриваются особенности концептуализации природного объекта «лес» и способы языковой репрезентации знаний о нем в русском языке на материале лексикографических источников. Проведенное исследование показало, что процесс концептуализации «леса» антропоцентричен, а в семантике лексических и фразеологических средств его репрезентации сохраняются элементы культурной информации древнеславянского периода.

Ключевые слова и фразы: лексема «лес»; концептуализация; лексикографический источник; словарная дефиниция; коннотация.

Наумова Елена Васильевна, к. филол. н., доцент
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
evnaumova@lunn.ru

**ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРИРОДНОГО ОБЪЕКТА «ЛЕС»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ)**

Сегодня словарям как инструменту осмысления духовной жизни и культурного наследия этноса придается большое значение. По мнению Н. Ю. Шведовой, в словаре разворачивается картина мира так, как она существует в сознании носителей данного языка в исторической перспективе: общественные отношения, быт, национальные знания и умения, представления об окружающем мире, закрепившиеся социальные оценки и квалификации [17, с. 418].

За последнее десятилетие русская лексикография переживает «лексикографический бум», «лексикографический ренессанс» [9, с. 166], что обусловлено огромным информационным и национально-культурным

потенциалом различных типов словарей. По данным В. Д. Черняк, В. А. Козырева, список отечественных словарей русского языка в 2015 г. насчитывает почти 3 200 единиц без учета двуязычных и терминологических словарей, хотя в 2000 г. было лишь 700 изданий [5, с. 8].

Сегодня в российской лексикографии все чаще ставится вопрос о возможности лексикографического отражения национальной языковой картины мира, о «лексикографировании культуры» [3, с. 4].

Несмотря на многообразие различных типов современных словарей, толковый словарь остается основным типом лексикографических источников, центральной задачей которого является объяснение значений или системы значений слов. Вместе с тем информация, содержащаяся в словарных статьях указанного типа, значительно шире, часто она имеет энциклопедический и лингвокультурологический характер.

Толковый словарь структурирует определенные знания о явлениях действительности, закреплённые в языке, и тем самым их концептуализирует и категоризирует. В этом случае словарь может рассматриваться как многофункциональная когнитивная система лексем, которая объективирует концепты. Национально-культурная специфика концептуализации объектов действительности выражается в содержании компонентов значения, выборе внутренней формы языковой единицы, синтагматике и т.д. Главным семасиологическим средством, репрезентирующим эти процессы, являются лексическое и фразеологическое значения.

Цель данной статьи – выявить особенности концептуализации природного объекта «лес» и способов языковой репрезентации знаний о нем по данным словарных статей с заголовочным словом *лес* из толковых словарей русского языка разных авторов.

Выбор лингвистического анализа данного объекта действительности в статье не случаен.

В языковой картине мира одним из базовых понятий, в котором отражены основные представления этноса об окружающей среде и отражен процесс познания мира, является пространство (в том числе и «лес» как пространственный объект). Анализ концептуализации «леса» в языковом сознании позволяет выявить специфические национально-культурные особенности.

«Лес» всегда играл важную роль в жизни славянских народов, в том числе и русского, что обусловлено природно-географическими условиями проживания славян. Значимость «леса» для современного русского языкового сознания остается достаточно высокой. Так, по данным Н. В. Уфимцевой, ассоциант «лес» среди других реалий в языковом сознании русских стоит на четвертом месте. В таблице реалий ядра языкового сознания русских данный образ имеет ранг – 12,5 (из 75 образов мира), количество вызвавших его стимулов – 438 [14]. Поэтому представляют научный интерес особенности представления в русском языке природного объекта «лес».

В словарной статье толкового словаря раскрывается содержание некоторого понятия, характеризуется некоторый объект действительности таким образом, что позволяет отличить его от других объектов. Итак, понятие – мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений. Эта операция в настоящее время стала называться концептом. Под концептом мы будем понимать «единицу осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которыми оперируют в процессе речемыслительной деятельности» [2, с. 4].

По мнению Ю. С. Степанова, концепт является многослойным явлением, каждый слой концепта является «осадком» культурной жизни разных эпох [12, с. 46]. Исследователь выделил три слоя концепта: 1) основной, актуальный признак, в котором концепт существует для всех носителей языка; 2) дополнительные, «пассивные», являющиеся неактуальными и историческими; 3) внутренняя форма, или этимологический признак [Там же, с. 44].

Таким образом, основой концепта являются наивные знания носителей языка.

Рассмотрим первый слой концепта – основные актуальные признаки, которые отражены в дефиниции словарной статьи.

В словарных дефинициях содержится информация о способе отражения объекта в языковом сознании говорящих на современном этапе. Для обозначения данного типа информации в лингвистических исследованиях используются различные наименования. До сих пор в лексикографии не решен вопрос о сущности дефиниции словаря. Нет однозначного понимания терминов «описание», «токование», «определение» [3, с. 7].

Нас интересует содержание дефиниции, т.е. набор актуальных признаков для определения концепта ЛЕС в словарных статьях с заголовочной лексемой *лес* в толковых словарях разных авторов. Анализ дефиниций позволяет осознать особенности концептуализации через рассмотрение семантической структуры лексемы.

Источниками рассмотрения процесса концептуализации природного объекта «лес» в современном русском языке стали следующие толковые словари: «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах (далее – БАС), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Ниже даны дефиниции соответствующих словарных статей из указанных словарей:

1. Площадь земли, обильно заросшая деревьями [11, стб. 167].
2. Множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами [8, с. 323].
3. Пространство, заросшее деревьями [13, стб. 47].

Приведенные дефиниции представляют собой логико-синтаксический тип предложения классифицирующей характеристики. Субъект (лес) определяется комплексом признаков, объединённых в концепте.

Первая и вторая дефиниции представляют собой классифицирующую модель. Основным классифицирующим признаком концепта ЛЕС является признак пространственной категоризации. Дополнительным является количественный характеризующий признак (количество элементов) *заросший деревьями*, в первой дефиниции данный признак усилен за счет наречия *обильно*.

Третья дефиниция является квантитативной характеристикой по количеству элементов, из которых состоит «лес», – множество деревьев. Дополнительными выступают обстоятельственная (локативная) характеристика (растущих на большом расстоянии) и качественная характеристика (с сомкнутыми кронами).

Таким образом, по данным дефиниций толковых словарей, концепт природного объекта «лес» содержит прежде всего визуальные параметры:

- 1) не локализованное пространство, т.к. невозможно зрительно увидеть границы объекта;
- 2) элементы, из которых состоит объект, – деревья;
- 3) квантитативная характеристика элементов – большое количество, не поддающееся счету;
- 4) расстояния между элементами небольшое, близко стоящие друг к другу элементы (заросшее).

Анализ значения лексемы *лес* помог выявить особенности концептуализации «леса» как одного из элементов пространственной категории, понять когнитивную стратегию, способ понимания данного объекта действительности лингвокультурной общностью.

Мы рассмотрели актуальные признаки через семантизацию лексемы в дефиниции словарных статей.

В связи с тем, что процесс концептуализации может отражаться и системными синтагматическими отношениями между единицами, нами, кроме дефиниций в словарных статьях, были проанализированы иллюстрации сочетаемости лексемы *лес* (речения), данные в словарях и отражающие разные слои концепта ЛЕС.

Некоторые несущественные признаки лексемы имплицитно представлены в сознании носителей русского языка и имеют устойчивый характер, они обнаруживают себя в разных участках языковой системы (в синтагматике лексемы, во фразеологизмах с данной лексемой). Нам близка точка зрения Ю. Д. Апресяна, который в своей работе «Коннотации как часть прагматики слова» под несущественными, но устойчивыми признаками выражаемого лексемой понятия понимает коннотацию. Коннотация фиксирует принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета. Эти признаки не являются ни компонентами лексического значения, ни следствиями или выводами из него [1, с. 159]. Ю. Д. Апресян считает, что коннотации «характеризуют, как правило, основные, или исходные значения слов, а материализуются они в переносных значениях» [Там же, с. 163].

Происходит импликация – перенесение на лексему отношения к самому объекту внеязыковой действительности. Источником формирования коннотаций являются не сами по себе свойства или признаки, присутствующие предмету реального мира, а коллективная оценка данного предмета и его свойств и признаков этносом.

Так, данные в качестве иллюстраций во всех анализируемых толковых словарях словосочетания *красный лес*, *черный лес*, *дремучий лес*, с одной стороны, отражают системные отношения в языке на данном этапе (репрезентуют актуальные признаки: тип леса по произрастающим в нем породам; тип леса по характеру расположения в нем деревьев). С другой стороны, они отражают исторические признаки и внутреннюю форму.

Особенности национально-культурного восприятия и понимания объекта действительности отражаются как внутренней формой самой лексемы, обозначающей объект, так и внутренними формами лексем, вступающих в синтагматические отношения с исследуемой лексемой. Обусловлено это тем, что внутренняя форма лексемы отражает начальные этапы концептуализации. Признак, положенный в основу номинации, указывает на то, что стало для языкового сознания существенным, на тот аспект в объекте познания, посредством которого возможно целостное понимание природного объекта.

Колоративные лексемы *черный* и *красный* являются интерпретирующими признаками, т.к. содержат оценку с точки зрения воспринимающего субъекта: *красный лес* (красивый), *черный лес* (некрасивый). Д. Кайгородов объясняет происхождение данных наименований следующим образом: «Лес, в котором все деревья хвойные, называется хвойным лесом, или краснолесьем. Названием красного леса, или краснолесья хвойный лес обязан тому, что он круглый год зелен, красив – красен (красное солнышко, красная девушка!), в противоположность лиственному лесу, теряющему на зиму свою красу и становящемуся черным (чернолесье)» [4, с. 28]. Аналогичные сведения даны в работе Н. А. Криничной [7, с. 51-52]. Следовательно, лексемы *красный* и *черный* в сочетании с лексемой *лес* имели не колористическое, а аксиологическое значение (дана оценка визуального состояния разных типов природного объекта – хвойный и лиственный – с точки зрения этнокультурной общности, отражена присущая данной общности система ценностей).

Безусловно, в современном русском языке в словосочетаниях *черный лес* и *красный лес* колоративные лексемы являются немотивированными. Коннотативные семы утрачиваются, вероятно, поэтому в словаре Ожегова эти словосочетания даже имеют помету *спец.* – специальное, т.е. приближаются к терминологическим сочетаниям, утрачивают образность, сохраняя только значение *тип леса*.

Лексема *дремучий* в сочетании с лексемой *лес* также позволяет вербализовать исторический слой концепта ЛЕС, а внутренняя форма лексемы *дремучий* дает возможность реконструировать элементы мифологического мировосприятия «леса» древними славянами. По данным этимологического словаря, лексема *дремучий* означает «дремлющий, спящий» [15, с. 538].

По мнению исследователей, в мифологии многих народов лежит принципиально иное понимание пространства и времени, отличное от мировосприятия современного человека. Мировосприятие многих древних народов строилось на бинарной оппозиции: противопоставление хаоса (то есть среды вне осознания и контроля человека) и космоса (освоенного пространства с четкой структурой), в частности, в рассматриваемом нами случае это выражается в бинарной оппозиции «лес – дом».

Как отмечает Н. А. Криничная, «лес» «представляет собой не просто неосвоенное или мало освоенное пространство, но иной, параллельный, в буквальном смысле потусторонний мир, который в дохристианском мировосприятии, по сути, не дифференцируется» [7, с. 51]. По наблюдениям В. В. Колесова, в самом древнем облике все чужое и враждебное воплощено в лесе. Лес – это нечто живое, тот же род, но враждебный [6, с. 210].

Лес был местом инициации. Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком. Это так называемая временная смерть. По представлениям древних славян, лес окружает иное царство, что дорога в иной мир ведет сквозь лес.

Таким образом, *дремучий лес*, с одной стороны, отражает воспоминание о лесе как о месте, где производился обряд инициации, с другой – как о входе в царство мертвых [10, с. 151]. Непременным атрибутом пребывания в «волшебном» лесу и обряда посвящения, в частности, было состояние лиминальное («пороговое») перед лицом некоей хранящейся здесь тайны. В современном русском языке слово *дремучий* является немотивированным и многозначным, но все переносные значения имеют отрицательную коннотацию.

Нужно отметить, что рассмотренные словосочетания *дремучий лес*, *черный лес*, *красный лес* приведены в качестве иллюстрации во всех анализируемых токовых словарях. Кроме указанных словосочетаний, в словаре Ушакова даны речения *мелкий лес* и *густой лес*, которые также дают визуальную характеристику природного объекта по характеру растительности в лесу (*мелкий лес* – небольшие деревья, *густой лес* – расположение элементов леса – деревьев – близко друг к другу) [13, стб. 47]. Следует отметить, что слово *густой* общеславянского происхождения, восходит к **gostь*. *густой* – форма страдательного причастия от того же корня, что и *жать* с первоначальным знач. ‘сжатый’, ‘стиснутый’ [16, с. 229]. Соответственно, словосочетание *густой лес* первоначально имело отрицательную и мотивированную внутренней формой лексемы *густой* оценку. В настоящее время словосочетание имеет отрицательную коннотацию, имплицитно присутствующую в словосочетании.

Факт утраты образности может указывать на смену культурной парадигмы (особенностей менталитета, культурных стереотипов и установок), в которой была создана данная внутренняя форма. Это изменение имеет когнитивную основу: признак, положенный в основу внутренней формы, становится несущественным. Затемненные внутренние формы уже не объясняют явление, а хранят память о его интерпретации. Следовательно, внутренняя форма является отражением способа мировидения.

В целом, синтагматические связи эксплицируют коннотации определяемого слова, которые носят культурно обусловленный характер, так как они отражают традиции словоупотребления в данном языке.

Процесс концептуализации природного объекта раскрывают и фразеологические единицы (далее – ФЕ).

Образно мотивированное основание ФЕ с компонентом *лес* восходит к архетипическим формам осознания окружающей действительности. В связи с тем, что ФЕ являются единицами косвенной номинации, они представляют собой особые концептуальные структуры знания, в которых в образно-символьной форме даны национально-маркированные оценки окружающей действительности. Фразеологическое значение в когнитивной фразеологии понимается как результат субъективной интерпретации объективного мира. В анализируемых словарных статьях приведены ФЕ *как в лесу* – «ничего не понимая, ни в чем не разбираясь; разг.» [8, с. 323], *темный лес* – «перен.: совершенно непонятно; разг.» [Там же]. О том, что непонятно или неизвестно. В данных ФЕ отражено прототипическое представление о «лесе» как символическом образе чужого, непонятного, непознанного, сформировавшееся, как было сказано ранее, под влиянием мифологического мышления древних славян.

Таким образом, по данным дефиниций лексемы *лес* и приведенных в качестве иллюстраций речений, ФЕ с лексемой *лес*, можно сделать вывод, что процесс концептуализации данного природного объекта антропоцентричен. Языковая репрезентация данного объекта отражает мифологическое представление древних славян о «лесе» как враждебном, неосвоенном, «чужом» пространстве, противопоставленном «своему», освоенному человеком. Семантическая структура лексемы *лес* дает визуальную характеристику с точки зрения субъекта, воспринимающего и оценивающего данный природный объект. В современном русском языке в связи со сменой культурной парадигмы стали неактуальными для носителей языка мифологизированные признаки «леса», но в сохраняющейся отрицательной коннотации ФЕ и лексем, характеризующих «лес» (*дремучий*, *темный* и т.д.), сохраняются отголоски древней славянской культуры.

Проведенное исследование показало, что процесс концептуализации является культурно маркированным. Лексические и фразеологические средства наиболее полно и точно отражают процессы концептуализации культурного знания.

Список источников

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная природа языка: сборник статей. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с.
3. Иванищева О. Н. Лексикографирование культуры: учебное пособие. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015. 169 с.
4. Кайгородов Д. Беседы о русском лесе. М.: Белый город, 2010. 304 с.
5. Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 631 с.
6. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 312 с.
7. Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бивальщины и поверья Русского Севера: исследования. Тексты. М.: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2011. 632 с.
8. Ожегова С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2002. 1999. 944 с.
9. Приемышева М. Н. Исторические словари русского языка в контексте современной лексикографической ситуации // Слова и словари: сборник научных статей, посвященный профессору Валентине Даниловне Черняк / отв. ред. В. А. Ефремов. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 166-173.
10. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 364 с.
11. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / АН СССР; Ин-т языкознания; под ред. Ф. П. Филина и др. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 6 / под ред. Э. И. Коротаева, Л. В. Омелянович-Павленко. 1460 стб.

12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.
13. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных языков, 1938. Т. 2. 1040 стб.
14. Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm (дата обращения: 16.01.2017).
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. СПб.: Терра-Азбука, 1996. Т. 1. 576 с.
16. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 622 с.
17. Шведова Н. Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре (Класс личных местоимений) // Русский язык. Избранные работы. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 410-420.

PECULIARITIES OF CONCEPTUALIZATION OF THE NATURAL OBJECT "FOREST" IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BY THE MATERIAL OF EXPLANATORY DICTIONARIES)

Naumova Elena Vasil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
N. A. Dobrolyubov State Linguistic University of Nizhny Novgorod
evnaumova@lunn.ru

The article deals with the peculiarities of conceptualization of the natural object "forest" and the ways of the linguistic representation of knowledge about it in the Russian language on the basis of lexicographic sources. The conducted research shows that the process of conceptualization of "forest" is anthropocentric, and in the semantics of the lexical and phraseological means of its representation the elements of cultural information of the ancient Slavic period are preserved.

Key words and phrases: lexeme "forest"; conceptualization; lexicographical source; dictionary definition; connotation.

УДК 811.512.157

Данная статья является продолжением ранее начатых исследований по теме «Якутская рыболовная лексика». Используя сравнительный метод, был установлен фонд якутских названий рыб тюркского происхождения, возникший в Центральной Азии до I века до н.э., который послужил основой для дальнейшего развития наименований рыб якутского языка. Последствия контактов якутов с разными народами (монголоязычными, северо-тунгусскими, русским) прослеживаются в заимствованиях в названиях рыб. Тюркская по происхождению лексика обнаруживается на всем протяжении эволюции якутского языка.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; происхождение; тюркский; лексика; названия рыб; контакты; заимствования.

Нестерова Анна Семеновна

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
annest@yandex.ru

НАЗВАНИЯ РЫБ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья является продолжением серии статей о рыболовной лексике якутского языка [3; 4; 5].

Вопрос о происхождении якутского языка до сих пор не считается решенным, и его квалификационный статус не определен. Существующие многочисленные теории и догадки свидетельствуют о трудности и сложности решения данного вопроса, так как отсутствуют достаточно надежные объективные данные. По существу, основные точки зрения на происхождение якутского языка можно свести к двум: 1) гипотеза О. Н. Бётлингга, относящего якутский язык к исконно тюркским [1, с. 44]; 2) гипотеза В. В. Радлова, считающего якутский язык тюркизированным [12, С. 1].

В изучении характера связей различных народов и их языков сформировался новый междисциплинарный подход, который учитывает данные генетики, археологии и лингвистики в целях изучения доистории народа [6, с. 185-190].

С использованием данного подхода было подтверждено положение О. Н. Бётлингга о раннем отделении якутов до I века до н.э. от пратюркского этноса и отделении якутского языка от пратюркского языка, а также его сомнение в урало-алтайской гипотезе [Там же, с. 189].

Целью данной статьи является выявление названий рыб тюркского происхождения. Источником работы является «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского [7; 8; 9]. Основным методом исследования является сравнительный метод. На основе использования этого метода установлены тюркские наименования рыб якутского языка, возникшие в Центральной Азии до I века до н.э. Например:

- як. *балык* 'рыба', 'карась, мундушка', 'морское животное: кит, котик, морж, нерпа, тюлень' [7, с. 357, 359], ср.: тюрк.: др.-тюрк. *balıq* 'рыба' [2, с. 80];
- як. *бил, мил* 'таймень' [7, с. 461; 8, с. 1568], ср.: тюрк.: казах. *bäl* 'таймень' [13, С. 68b];
- як. *билиэйэх* (< *бил* 'таймень' + *-ийэх*) 'маленький таймень' [7, с. 465], ср.: тюрк.: казах. *bäl* 'таймень' [13, С. 68b];